научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК 821.161.1

«СЫВОРОТКА ПРАВДЫ»: ШВЕДСКАЯ АНТИУТОПИЯ К. БОЙЕ «КАЛЛОКАИН»

ШАРАПЕНКОВА НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук,
зав. кафедрой германской филологии и скандинавистики Института филологии,
Петрозаводский государственный университет,
кафедра германской филологии и скандинавистики Института филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
natshar@mail.ru

МЕШКУТЬ АННА АЛЕКСЕЕВНА
студент,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
meshkut.ann@gmail.com

ТУПИКОВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
студент,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
lena.tupikova.1995@yandex.ru

Ключевые слова:
антиутопия
шведско-русские культурные и литературные связи
хронотоп
«Каллокаин»

Аннотация:
Актуальность данной статьи обусловлена обращением к насущной на сегодняшний день проблеме в области гуманитарных наук (культурологии, филологии и социологии): к характеристике антиутопии, возникшей в XX – XXI веках, и ее различным национальным модификациям. Цель статьи выявить характерные черты антиутопии в скандинавском (шведском) романе К. Бойе «Каллокаин» и выстроить некоторые параллели с романом Е. Замятина «Мы». Во всем тексте статьи доказывается положение: большинство специфических признаков антиутопии обусловлено категорией хронотопа. Основными методами исследования стали описательно-аналитический, сравнительно-типологический методы, метод обобщения, культурно-исторический метод, метод мотивного анализа, контекстуальный анализ текста. В художественном пространстве обоих произведений реализуется модель государственного обустройства, позиционируемая как идеальная, но при пристальном взгляде – это модель тоталитарной системы правления: сами государства изолированы от окружающего мира, который представлен в романах чужим и враждебным. Царящие в Мировой Империи (роман К. Бойе) и в Едином Государстве (роман Е. Замятина) порядок, стабильность и равноправие оборачиваются, доведенными до своего гротескового предела, всеобщим уравниванием жителей и

государственным регулированием всех сфер человеческой жизнедеятельности, включая интимную.

© 2020 Петрозаводский государственный университет

Получена: 16 июля 2020 года Опубликована: 16 августа 2020 года

«СЫВОРОТКА ПРАВДЫ»: ШВЕДСКАЯ АНТИУТОПИЯ К. БОЙЕ «КАЛЛОКАИН»

Введение

В начале XX века в литературе Западной Европы, Скандинавии и России начал активно развиваться как в литературе, так и в кинематографе жанр антиутопии. Антиутопия, как это видно из самого наименования, восходит к утопии, ярким образцом которой, без сомнения, является произведение английского писателя-философа Томаса Мора «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия», опубликованное в 1516 году. Название острова – Утопия – станет нарицательным и войдет в наименование жанровой дефиниции. Классическими утопиями, помимо книги Т. Мора, считают «Город солнца» Т. Кампанеллы, «Новую Атлантиду» Ф. Бэкона и др. Позднее черты жанра утопии отразятся в произведениях Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Свифта и в утопической фантастике XX века.

В отличие от описываемого Т. Мором черт идеального государства Утопия, отразившего искания человеком справедливых форм политического и социального обустройства, формировались представления и об ее (утопии) «жанровом гибриде» [7: 276], которые иронически обыгрывали «ценностные ориентации литературной утопии» [5: 233]. Впервые понятие «антиутопист» было использовано английским философом и экономистом Д. С. Миллем в 1868 г. в Британской палате общин, само же определение «антиутопия» как название жанра ввели Гленн Негли и Макс Патрик в составленной ими антологии «В поисках утопии» (1952) [19].

XX век – век широкого распространения антиутопии, в особенности в 20–30–40-е годы. Этот период считают временем антиутопического социального мышления, что, в свою очередь, «не могло не сказаться на становлении жанра антиутопии в литературе» [13: 201]. Жанр антиутопии становится «распространенным в эпохи, когда в обществе утверждается мысль, что существующая ситуация утвердилась надолго и имеет явную тенденцию только ухудшаться в будущем» [12: 208].

XX век в силу разных трагических обстоятельств и потрясений (крушение христианских ценностей, основ гуманизма, политических и социальных потрясений) поднял на новую высоту возможности романа-антиутопии. Еще до появления т.н. классических антиутопий (к ярким образцам которых, безусловно, относятся романы Е. Замятина «Мы», О. Хаксли «О дивный новый мир», Дж. Оруэлла «1984») были написаны так называемые *романы-предупреждения*, в которых было показано ближайшее будущее, угрожающие черты были взяты из реалий современности. Приведем ряд примеров: «Грядущая раса» (1871) Э. Булвер-Литтона, «Когда спящий проснется» (1899) Г. Уэллса, «Железная пята» (1907) Дж. Лондона. Классикой жанра антиутопии, по праву, считаются романы Е. Замятина «Мы». Продолжением этой линии стали романы «451 градус по Фаренгейту» (1953) и «Вино из одуванчиков» Р. Брэдбери, «Колыбель для кошки» (1963) К. Воннегута.

Литература, посвященная утопии и ее жанровой модификации «антиутопии», необозрима. На современном этапе гуманитарной науки изучением данного жанра занимаются многие исследователи, например, такие как Б. А. Ланин [4], Л. М. Юрьева [14], С. Г. Шишкина [13], А. Б. Темирболат [9] и др. Значительная часть работ посвящена теоретическим вопросам и обобщениям [4], [10], [11], связанным со спецификацией жанра антиутопии, а также непосредственно анализу конкретных произведений русской и мировой антиутопии [4], [6]. Петрозаводская филологическая школа благодаря работам выдающегося ученого Е. М. Неёлова внесла свой большой вклад в освоение как теоретических, но, что наиболее ценно, практических вопросов, связанных с интерпретацией «главной» антиутопии – романа Е. Замятина «Мы». Е. М. Неёлов в статье «Шариков, Швондер и Единое Государство (О фантастике Булгакова и Замятина)» называет роман Е. Замятина «Мы» родоначальником целого литературного направления – фантастических и антиутопических произведений [6: 378].

Ни одно исследование не обходится без классификации (полной или недостаточно полной, исчерпывающей или требующей дополнения) характерных признаков этого жанра. Одной из главных особенностей данного жанра является замкнутый хронотоп [1]. Приведем ряд подтверждающих примеров. И. В. Тараненко выделяет следующие признаки антиутопии: замкнутость «своего» сакрального пространства, хронотоп остановившегося настоящего, мифологизация хронотопа и др., а также выявляет лексические репрезентации хронотопа антиутопии [8: 3]. Более подробно представлена

спецификация антиутопии в обширной и с привлечением большого репрезентативного материала монографии Л. М. Юрьевой «Русская антиутопия в мировом контексте», на основе которой строятся сейчас представления об этом «жанровом гибриде» [7: 276]. Среди важнейших черт жанра, приведенных в работе Л. М. Юрьевой, выделим несколько, применимых к исследуемому нами шведскому роману «Каллокаин», а именно: территория государства отгорожена от окружающего мира стеной; прошлое в антиутопиях отвергается; герой произведения – бунтарь-одиночка или группа единомышленников, негативно воспринимающая существующий строй; тоталитаризму противостоит любовь; повествование часто строится в форме дневника; в литературном произведении антиутопического жанра ослабевает связь между прошлым, настоящим и будущим [14].

В задачи данной статьи не входит детальное представление самого жанра антиутопии, мы использовали имеющиеся на сегодняшний день классификации его (жанра) существенных примет и применили к шведскому роману К. Бойе «Каллокаин». На основе указанных выше классификаций мы выделили три наиболее общих признака:

1. Предметом описания становится государство и существующее в нем общество. Это в очередной раз доказывает то, что антиутопия – жанр социально-обусловленный.

2. В центре находится личность, или группа лиц, несогласных с существующим порядком в обществе.

3. Совершенно особенные характеристики времени и пространства.

«Каллокаин» К. Бойе: признаки антиутопии

Роман вышел в свет в 1940 году, после того как писательница провела какое-то время в Советском Союзе (1930), а потом в Германии (1932–1933 годы), и стал последним ее произведением, опубликованным при жизни. В обществе, где все под контролем, где личные интересы людей полностью подчинены общим целям, создается препарат, способный проявить истинные мысли человека – каллокаин. В своем произведении писательница воплощает идею о тотальном контроле государства над его гражданами.

В письме своему близкому другу Эббе Линде (Ebbe Linde) от 6 сентября 1940 года Карин Бойе рассказывает о своем новом романе (здесь и далее перевод А. А. Мешкуть):

«Только что я, изрядно попотев и поругавшись, закончила действительно значительных (с моей точки зрения) размеров роман, роман о будущем, но не совсем утопию. Я боюсь за него (роман), он так отличается от того, что я обычно пишу, что в конце концов это стало совершенно невыносимо для меня <…> Раз мне было страшно писать, то пусть читатель тоже ощутит немного моего ужаса, черт возьми. В романе идет речь о ситуации в следующем столетии, когда несколько крупных тоталитарных стран борются за мировое господство, и Государство полностью контролирует индивидов. <…> Там нет Лидера, и имена ни с чем не связаны».

Оригинал:

«Jag har just med svett och invärtes kräkningar avslutat en rätt diger (d. v. s. diger för mina förhållanden) roman, en framtidsroman, dock inte precis en utopi. Jag var rädd för den, den är så olik vad jag brukar skriva, och på slutet var den ren tortyr för mig <…> Har jag tyckt den var kuslig att skriva, så ska läsaren också ta mig fasen ha lite med av kusligheten. Den handlar om tillståndet i nästa århundrade, då några stora totalitära stater slåss om världsherraväldet och Staten har individen helt i sin hand. <…> där finns ingen Ledare, och namnen är från alla håll» [17: 414].

Таким образом, Карин Бойе, на основе происходящего в настоящем, старается заглянуть в будущее, предположить, к чему может привести нынешняя ситуация и выражает свой страх перед этим будущим.

Антиутопия была переведена на русский язык в 1971 году с некоторыми опущениями. Из текста были изъяты существенные подробности об устройстве Мировой Империи, которые соотносились с существующей в СССР реальностью и могли быть восприняты как политически острые.

Перевод на русский язык такого социального, политического романа с определенными аллюзиями на политический строй Советского Союза был обречен на вмешательство цензуры. В ходе нашего исследования было выявлено более двадцати упущений в переводе на русский язык, в том числе касающихся описания хронотопа романа (выявлено А. А. Мешкуть).

Например, в русском переводе мы находим следующее описание одной из локаций города:

«Так я размышлял, стоя у входа в подземку. Прошло четыре поезда; четыре раза толпа людей выливалась на свет, пока, наконец, не явилась Линда» [2: 74].

Теперь как этот отрывок представлен в оригинале:

«Так я размышлял, стоя у входа в подземку и видел, словно во сне, как охранник ходит

взад-вперед вдоль увенчанной колючей проволокой стены, отделяющей район. Прошло четыре поезда; четыре раза толпа людей выливалась на свет, пока, наконец, не явилась Линда» (перевод А.А. Мешкуть). [2: 73]

Оригинал:

«Så stod jag i funderingar vid metrons uppgång och såg som i en dröm vakten gå fram och tillbaka längs den taggtrådskrönta distriktsmuren. Fyra tåg hade kommit, fyra gånger hade skarorna strömmat upp i dagsljuset, då äntligen Linda passerade spärren». [15: 83]

В переводе была исключена часть предложения, которая, можно сказать, кардинально меняет восприятие пространства, которое приобретает более закрытый, замкнутый и зловещий характер.

В романе «Каллокаин» описывается будущее в 2000-х годах, где каждый человек принадлежит Системе, которая, в свою очередь, противостоит некому внешнему врагу. Поскольку в романе «Каллокаин» прослеживается ряд параллелей и даже заимствований из антиутопии Е. Замятина «Мы» (Единое Государство – Всемирное Государство, структура произведения – в форме дневника), мы выдвинули гипотезу исследования, что Карин Бойе при написании романа опиралась на творчество русского писателя, однако мы не нашли никаких сведений о том, было ли произведение Замятина знакомо писательнице.

В романе «Каллокаин» государство под названием Мировая / Всемирная Империя (в русском переводе сосуществуют два названия, в оригинале Världsstaten – досл. «государство мира»), определенно является тоталитарным. Инструментом контроля являются «ухо полиции» и «глаз полиции», которые установлены практически везде, за исключением некоторых общественных мест, например, лифта. Но осознавая, к чему может привести разговор в лифте, если кто-то услышит его, герои воздерживаются от общения без свидетелей. В каждой квартире установлены «ухо и глаз полиции», поэтому государство всегда может узнать, чем занимается каждый человек в определенный момент времени. Слежка за всеми гражданами предстает как почти будничное явление.

«А мне позволено будет узнать, что это за эксперимент? – спросила горничная. Разумеется, она имела полное право спрашивать, ведь она находилась здесь в какой-то степени и для того, чтобы следить за всем, что происходит в доме» [2: 10].

В «Каллокаине» Карин Бойе не дает четкого описания архитектурных строений в Мировой Империи. Читателю известно лишь то, что люди живут и работают *под землей*, и лишь иногда выходят на поверхность. Квартиры в «идеальном» государстве для всех стандартные, независимо от должности и звания – однокомнатные для холостяков, двухкомнатные для семейных.

Характерной чертой хронотопа антиутопии является замкнутость пространства, огороженность государства от остального мира. Данный тип пространства мы наблюдаем как в романе «Мы» Е. Замятина, так и в «Каллокаине». Замкнутость пространства в скандинавском и русском романах связана прежде всего со стеной, которая защищает государство от внешней угрозы. В Едином Государстве Е. Замятина символом защиты служит Зеленая Стена. В «Каллокаине» средством ограждения Мировой Империи от внешнего мира является не только стена, но и специальное покрытие:

«Над пустыми сейчас крышами-террасами, над бесчисленными рулонами серого и зеленого брезента, с помощью которых можно было за десять минут замаскировать город, чтобы неприятель не смог увидеть его с воздуха, кишела толпа возвращавшихся домой людей в форменной одежде свободного времени» [2: 74].

Соратники Мировой Империи знают о прошлом немного, но все же могут представить, как раньше жили люди:

«Я знал, что раньше, в цивильную эпоху, люди работали и тратили силы ради более просторных жилищ, лучшей пищи или роскошной одежды» [2: 74],

– пишет в своем дневнике Лео Калль.

Отличие от «Мы» лишь в том, что в «Каллокаине» герои не могут познакомиться с историей, увидеть ее своими глазами и сравнить мир, который был раньше с тем миром, в котором они живут сейчас. Они знают, что Мировая Империя ведет ожесточенную войну со своими врагами вот уже много-много лет, однако ни личность, ни местоположение врага им неизвестно. Более того, жители Мировой Империи могут только строить догадки относительно того, что из себя представляет мир за стеной:

«Кто знает, существует ли он на самом деле, этот город в пустыне, — отозвался Риссен. <…> в этом городе и вокруг полно опасностей: от песка и камней поднимаются ядовитые испарения, в расщелинах живут колонии бактерий — словом, буквально каждый шаг грозит опасностью. Но зато там встречаются чистые родники, там сохранилась и нетронутая почва, где можно возделывать съедобные

растения. Немногочисленным жителям известны безопасные дороги и убежища, эти люди не знают раздоров и помогают друг другу» [2: 68].

В обоих романах пространство и время застыло в одном моменте и не двигается уже много лет. В замятинском «Мы» у героев есть связь с историей, с прошлым – Древним домом, в котором хранятся старые книги, статуэтки, стоят шкафы, диваны и пианино, жители Единого Государства могут сравнить прошлое и настоящее существование. У соратников Мировой Империи шведской антиутопии нет возможности «окунуться» в прошлое, им остается только строить догадки, живя в вечно-длящемся настоящем.

Время в романах воспринимается по-разному. В «Мы» действие происходит в будущем, однако читатель следит за происходящим вместе с главным героем Д-503 – тот ведет дневник, куда записывает происходящие события. Можно наблюдать эволюцию главного героя, видеть, как постепенно меняется его мировоззрение, следить за его рефлексией и переживаниями. Можно сказать, что в романе взаимодействуют два временных пласта: настоящее и будущее. В «Каллокаине» восприятие времени главного героя и читателя различается: Лео Калль в своем дневнике описывает события двадцатилетней давности, которые для него являются прошлым, а для читателя – будущим. В результате происходит слияние прошлого, настоящего и будущего. Если говорить о пространстве, то в романе описывается тоталитарное государство, что характерно для жанра антиутопии.

Путь главного героя

Важнейшей предпосылкой для нашего исследования мира героя скандинавской антиутопии находим в следующем наблюдении:

«В антиутопиях выстроенный на тех же предпосылках мир дан изнутри, через чувства его единичного обитателя, претерпевающего на себе его законы …» [4: 219-220].

Итак, сближает оба романа линия судьбы главного героя, инженера-строителя «Интеграла» Д-503 и создателя *сыворотки правды* под названием «каллокаин» Лео Калля. Важную роль в формировании героя-рассказчика, героя, ведущего дневник, выполняют женские образы. Приведем наблюдения Б. Ланина, применительно к антиутопиям: «Его (героя) личная, интимная жизнь весьма часто оказывается чуть ли не единственным способом проявить свое «я»» [4: 157].

Так, в начале романа Е. Замятина герой предстает перед читателем преданным последователем идей Единого Государства. После знакомства с женщиной I-330 мировоззрение его начинает плавно и постепенно изменяться: влюбленность, предполагающая избирательность, неизведанные дотоле чувства к женщине – все это толкает его на необдуманные и нелогичные поступки. I-330 оказала на него по-настоящему сильное влияние, изменив его представления относительно личных отношений и саму жизненную позицию. Роман К. Бойе во многом в этом плане – влиянии женского начала на строй мысли героя-мужчины – близок русскому. С первых строк повествования читатель знакомится с главным героем «Каллокаина» – Лео Каллем, автором дневника, в форме которого написано само произведение. Лео находится в плену в химической лаборатории врага вот уже двадцать лет. Он решил завести дневник, в котором рассказывает о событиях двадцатилетней давности:

«Я начал писать не по чьему-либо принуждению, а добровольно, хотя и сам не могу объяснить зачем. Это стало моей потребностью — вот и все объяснение» [2: 71].

В канву повествования включены не только эпизоды из его жизни в т.н. Всемирной Империи, но и вместе с тем анализ произошедших событий, внутренний диалог с самим собой, процесс сомнений и колебаний в незыблемости принципов государства. Записи, таким образом, являются не только свидетельством произошедшего, но и интерпретацией этих фактов Лео.

Химик Лео Калль, в отличие от Д-503, остается предан Мировой Империи довольно долго. Как законопослушный гражданин, он убежден, что сам человек, в том числе и его мысли, должны принадлежать правительству. Лео свято верит, что изобретенная им сыворотка правды станет большим достижением в области науки и военной промышленности. Этот препарат, разрабатываемый главным героем должен был стать главным оружием в *борьбе с инакомыслием*, так как его действие схоже с действием «сыворотки правды».

«Ни один преступник не сможет скрыть свою вину. Мысли, чувства больше не будут принадлежать нам одним, наконец-то будет покончено с этой нелепостью!» [2: 79].

С помощью сыворотки правды люди раскроют не только свои мысли, но и расскажут о том, что спрятано в глубинах их подсознательного. Лео – наивный герой и верящий в порядок Мировой Империи, благодаря своей жене Линде открывает важнейший закон – правда сердца и разума индивидуума важнее правды государства. Для Лео жена была пугающей загадкой, он отчаянно пытался понять, что творится в ее голове, но смог сделать это только под конец повествования.

Только после того, как каллокаин официально был одобрен правительством, а Лео увидит газету с заголовком «МЫСЛИ МОГУТ БЫТЬ НАКАЗУЕМЫ» [2: 177], он начинает понимать, что, возможно, был слишком одержим идеей поклонения государству – Мировой Империи. После откровенного разговора со своей женой Линдой (впервые в жизни они искренне открылись друг другу!) Лео окончательно убеждается в том, что все эти годы он жил неправильно.

Герои власти

Власть в романе «Мы» олицетворяет Благодетель, за которого единогласно голосуют на ежегодных выборах, и Хранители. Героям романа, как и читателю, Благодетель представляется чем-то отдаленным, но в то же время величественным и всемогущим: «… такой же мудрый и любяще-жестокий, как Иегова древних» [3: 25]. При более близком знакомстве с ним Д-503 видит, что это такой же человек, как и все остальные: «Передо мной сидел лысый, сократовски-лысый человек, и на лысине – мелкие капельки пота» [3: 25].

В «Каллокаине» власть олицетворяют личности, более близкие народу и обществу: министр полиции Туарег, начальник полиции Вай Каррек, а также руководительница Седьмой канцелярии Департамента пропаганды Калипсо Лаврис. Если Калипсо является воплощением логики, четкости мысли и преданности Мировой Империи, то в Туареге и Карреке можно увидеть не слепое поклонение государству, а прежде всего жажду власти. Отрывок из разговора Лео с Карреком после принятия закона об антиимперском складе характера и легализации каллокаина:

«– Я надеюсь, вы не считаете, что у всех кругом совесть нечиста?

– Совесть нечиста? – повторил он и снова резко захохотал. – Да какая разница – чиста или нечиста! Как бы тихо они ни сидели в своих норах, все равно никому не удастся уйти». [2: 35].

Объединяет эти группы героев обоих романов одно – жажда к власти. Ведь в тоталитарном государстве власть, ее достижение, удержание и приумножение любыми способами – главная цель правящей элиты. Герои обоих романов по-разному воспринимают тиранию власти, ведут с ней борьбу в разной степени, но все же Д-503, I-330, О-90 пытаются противостоять бездушной государственной машине в «Мы» так же, как это делают Лео Калль, его жена Линда и Эдо Риссен в «Каллокаине».

Из всего вышесказанного мы можем сделать вывод, что хронотоп государства с тоталитарной системой управления формирует в произведении персонажей, олицетворяющих власть, героев или группу героев, идущих против этой власти, а также героев сомневающихся, которые впоследствии меняют свои решения и переосмысливают ситуацию.

Заключение

Таким образом, мы выяснили, что хронотоп представляет собой взаимосвязь времени и пространства и взаимодействует с различными категориями художественного произведения. Важную роль для выражения авторской идеи также играет соотношение художественного и реального хронотопов. Многие жанровые признаки возникают из типологического единства хронотопов этого жанра. Определенные временные и пространственные характеристики формируют систему персонажей произведения.

В романах «Мы» и «Каллокаин» ключевая сюжетообразующая роль принадлежит пространственно-временной организации, а именно хронотопу замкнутого пространства. В результате мы видим, что замкнутое пространство обуславливает организацию системы персонажей в романах, а также влияет на становление характера каждого из них. В романе «Каллокаин» основным является именно нелинейный хронотоп, поскольку в произведении художественное время представляет собой взаимодействие трех временных пластов: прошлого, настоящего, будущего, которые сменяются не постепенно от прошлого к настоящему и будущему, а взаимодействуют все сразу. Главный герой в своем дневнике рассказывает о прошлом, читатель воспринимает происходящее в произведении как настоящее, а сама Карин Бойе говорила о том, что её роман о будущем и его действие происходит в будущем. В «Каллокаине» три времени как бы соединяются в одно, что вызывает еще больший интерес у читателя.

Главные герои романов антиутопии находятся в оппозиции к существующей власти и устоям общества (причем, осознают это постепенно, вначале они только выглядят в чем-то непохожими на остальных, а постепенно эта непохожесть вырастает в противопоставление уже всей системе). Однако в отличии от других известных романов-антиутопий, как например «Мы» Е. Замятина или «1984» Дж. Оруэлла, где в конце главный герой проигрывает Государству битву за свободу воли и разума, в «Каллокаине» Мировая империя все-таки подвергается атаке врагов извне и остается непонятно, кто в конце концов одержал победу.

Оба эти произведения – Е. Замятина «Мы» и К. Бойе «Каллокаин» – оказали огромное влияние на

развитие самого жанра антиутопии в целом и являются отражением общественной мысли того времени и в высшей степени актуализированы в настоящее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

2. Бойе К. Каллокаин: роман // Антология скандинавской фантастики. М.: Молодая гвардия, 1971. Т. 20. 384 с. (Библиотека современной фантастики. В 25 т.).

3. Замятин Е. Мы: Роман // Булгаков М. Собачье сердце, Роковые яйца, Похождения Чичикова. Замятин Е. Мы. Петрозаводск: Карелия, 1990. 381 с.

4. Ланин Б. А. Анатомия литературной антиутопии. Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/120/386/1217/017_LANIN.pdf (дата обращения: 14.06.2020).

5. Морсон Г. Границы жанра // Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы / Сост., предисл. и общ. ред. В. А. Чаликовой; Пер. с англ., нем., фр. и др. яз. М.: Прогресс, 1991. С. 233–252.

6. Неёлов Е. Шариков, Швондер и Единое Государство: О фантастике Булгакова и Замятина // Булгаков М. Собачье сердце, Роковые яйца, Похождения Чичикова. Замятин Е. Мы. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 358–378.

7. Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / Науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 355 с.

8. Тараненко И. В. Лексическое представление социокультурного пространства в жанре антиутопии: Автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2001. 16 с.

9. Темирболат А. Б. Категория хронотопа в свете современных научных концепций литературоведения // Филологические науки в России и за рубежом: материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012. С. 6–9.

10. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / Отв. ред. Т. В. Цивьян. М., 1983. С. 227–284.

11. Хализев В. Е. Теория литературы: Учебник для студентов вузов. М.: Высшая школа, 2000. 546 с.

12. Чанцев А. Фабрика антиутопий: Дистопический дискурс в российской литературе середины 2000-х // НЛО. 2007. № 86. С. 269–301.

13. Шишикина С. Г. Литературная антиутопия : к вопросу о границах жанра // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2007. № 2. С. 199–208.

14. Юрьева Л. М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы: Монография. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 317 с.

15. Boye K. Kris. Kallocain. Dikter. Stockholm: Albert Bonniers förlag, 1967. 347 s.

16. Boye K. Ett verkligt jordiskt liv: Brev. Stockholm: Albert Bonniers förlag, 2015. 458 s.

17. Davidsson, B. Framtidsromanen Kallocain: En presentation och ett försök till analys, delvis i jämförelse med ett par andra framtidsromaner [Электронный ресурс] / B. Davidsson. Дата обращения: http://www.karinboye.se/om/artiklar/kallocain-bengt.shtml (дата обращения: 14.06.2020).

18. Hägg, G. Den svenska litteraturhistorien. Stockholm: Wahlström & Widstrand, 2001. 692 s.

19. Glenn Negley, J. Max Patrick. The Quest for Utopia: An Anthology of Imaginary Societies. Mass Market Paperback. 1962. 342 p.

REFERENCES

1. Bakhtin M. Forms of Time and of the Chronotope in the Novel: Notes Toward a Historical Poetics. Bakhtin M. Questions of Literature and Aesthetics. Research of different years. M, 1975. P. 234–407. (In Russ.)

2. Boye K. Kallocain. Antology of Scandinavian Fantastic Fiction. M., 1971. Vol. 20. 384 p. (In Russ.)

3. Zamyatin Y. We. Mikhail Bulgakov: Heart of a Dog, The Fatal Eggs, The Adventures of Chichikov; Yevgeny Zamyatin: We. Petrozavodsk, 1990. 381 p. (In Russ.)

4. Lanin B. Anatomy of a literary dystopia. Available at: http://sthb.petrsu.ru/ (accessed 14.06.2020). (In Russ.)

5. Morson G. The Boundaries of Genre. Utopia and Utopian Thinking. M., 1991. P. 233–252. (In Russ.)

6. Neyolov Y. Sharikov, Shvonder and the Unified State: About Fantastic Fiction of Bulgakoa and Zamayatin. Mikhail Bulgakov: Heart of a Dog, The Fatal Eggs, The Adventures of Chichikov; Yevgeny Zamyatin: We. Petrozavodsk, 1990. P. 358–378. (In Russ.)

7. Poetics: Dictionary of Current Terms and Concepts (N. D. Tamarchenko, Ed.). M., 2008. P. 276. (In Russ.)

8. Taranenko I. V. Lexical Presentation of Socio-Cultural Space in Genre of Anti-utopia. Diss. Abst. of Candidate of Phil. Sc. SPb.: 2001. 31 p. (In Russ.)

9. Termirbolat A. B. The category of Chronotope in the Light of Modern Scientific Concepts in Literary Studies. Philological Sciences in Russia and Abroad: Issues of Int. Sc. Conf. (Saint-Peresburg, February 2012). SPb., 2012. P. 6–9. (In Russ.)

10. Toporov V. N. Space and Text. Text : Semantics and Structure (T. V. Tsivyan, Ed.). M., 1983. P. 227–284. (In Russ.)

11. Khalizev V. E. Theory of Literature. M., 2000. (In Russ.)

12. Chantsev A. The Antiutopia Factory: Distopian Discourse in Russian Literature of the Mid 2000-s. NLO. 2007. No 86. P. 269–301. (In Russ.)

13. Shishkina S. G. Literary Anti-utopia : To the Question of the Boundaries of the Genre. Vestnik Gumaniarnogo fakulteta IGKhTU. 2007. No2. P. 199–208. (In Russ.)

14. Yureva L. N. Russian Anti-utopia in the Context of the World Literature: monograph. M. ,2005. 317 p. P. 73–76. (In Russ.)

15. Boye K. Kris. Kallocain. Dikter. Stockholm, 1967. 347 p.

16. Boye K. Ett verkligt jordiskt liv: Brev. Stockholm, 2015. 458 p.

17. Davidsson B. Framtidsromanen Kallocain: En presentation och ett försök till analys, delvis i jämförelse med ett par andra framtidsromaner. Available at: http://www.karinboye.se/om/artiklar/kallocain-bengt.shtml (accessed 14.06.2020).

18. Hägg G. Den svenska litteraturhistorien. Stockholm: Wahlström & Widstrand. 2001. 692 p.

19. Glenn Negley, J. Max Patrick. The Quest for Utopia: An Anthology of Imaginary Societies. Mass Market Paperback. 1962. 342 p.

«TRUTH SERUM»: KAREN BOYE'S SWEDISH ANTI-UTOPIAN NOVEL KALLOCAIN

SHARAPENKOVA Natalia
Doctor of Philology,
Head of the Department of German Philology and Scandinavian Studies,
Petrozavodsk, Russian Federation, Department of German Philology
and Scandinavian Studies,
Petrozavodsk, Russian Federation, natshar@mail.ru

MESHKUT Anna
student,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation,
meshkut.ann@gmail.com

TUPIKOVA Elena
student,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation,
lena.tupikova.1995@yandex.ru

Keywords:
anti-utopia
Swedish-Russian cultural and literary relations
chronotope
Kallocain

Summary:
The relevance of the present article is related to the urgent problem in Humanities (cultural studies, philology and sociology): characterization of anti-utopia that emerged in the XX and the XXI centuries, and its various national modifications. The purpose of the article is to define typical features of the anti-utopia in the Scandinavian novel Kallocain written by a Swedish writer Karin Boye and draw some parallels with Yevgeny Zamyatin's novel We. The article proves the following thesis: the majority of the specific characteristics of anti-utopia are based on the category of the chronotope. The basic methods of the research were descriptive analytical method, comparative typological method, summarization, cultural-historical method, motive analysis, and content analysis of the text. The model of state-building is implemented in the artistic space of both novels. This model is presented as an ideal one; however, a closer look shows that it is the model of the totalitarian system of government: the states are isolated from the surrounding world which is presented in the novels as alien and hostile. Order, stability, and equality prevailing in the World Empire (Boye) and the United State (Zamyatin) are pushed to their grotesque limits and lead to the universal equalization of the citizens, and the governmental control of all the aspects of human life, including the intimate sphere.